

КОНЕЦ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

С конца 70-х годов XVI века международное положение Русского государства стало быстро ухудшаться. Расчеты царя на то, что Баторий, вступив в серьезный конфликт с Габсбургами, вынужден будет согласиться на переход Ливонии под русскую власть, оказались ошибочными. Хотя Максимилиан II, как император Священной Римской империи, занимал первое почетное место среди государей Западной Европы, в своих владениях он далеко не пользовался такой властью, как Иван IV в своем государстве. Держава австрийских Габсбургов представляла собой довольно непрочное объединение земель, связанных только личностью общего монарха. В каждой из этих земель власть монарха была серьезно ограничена сословиями, от воли которых зависело пополнение государственной казны. Если бы даже Максимилиан II не пожелал терпеть ущерб, который нанесла его «чести» польская шляхта, возведя на трон трансильванского князя, то сословия его земель (прежде всего наиболее значительной из них — Чешского королевства) вряд ли выделили бы императору средства для организации войны против этой шляхты и тем более вряд ли проявили бы желание в этой войне участвовать. От решения всех возникавших при этом серьезных и трудных проблем Австрийский дом избавила неожиданная смерть Максимилиана II, после чего ничто уже не мешало его сыну и преемнику Рудольфу II установить нормальные отношения с новым польским королем. Ничто с этого времени не мешало Баторию начать войну против России, если бы он и правящая элита Речи Посполитой нашли это нужным. В отличие от военных кампаний предшествующих лет, когда русской армии приходилось иметь дело в основном с войсками Великого княжества Литовского, теперь в случае возобновления войны в ней должно было принять участие всеми своими силами и Польское королевство.

В такой войне Баторий имел все основания найти себе союзников. Прежде всего таким союзником мог стать шведский король Юхан III. После низложения Эрика XIV отношения между Россией и Швецией резко ухудшились. К царю, союзнику своего брата-сопер-

ника, требовавшего к тому же передать ему жену Юхана III, Екатерины, шведский король не мог испытывать каких-либо добрых чувств. Однако ухудшению этих отношений способствовала и политика самого Ивана IV.

Престиж Шведского королевства в глазах русских правящих кругов был традиционно невысоким. В то время, когда Русское государство во второй половине XV века начало устанавливать свои связи со странами Западной Европы, Швеция была одной из земель, подчинившихся верховной власти датского короля. Во главе ее стояли «правители» (главным образом из рода Стуре), которые то признавали, то отвергали эту власть. Для московского великого князя, поддерживавшего дружественные связи с датскими королями, именно датский король был законным государем Швеции, а «правители», как подданные этого государя, должны были решать спорные вопросы и заключать соглашения с подданными великого князя — новгородскими наместниками. Такой же порядок сохранился и позже, когда Швеция под властью Густава Вазы окончательно отделилась от Дании. В Москве Густава Вазу рассматривали как самозванца, отнявшего власть у законного правителя — датского короля и присвоившего себе королевский титул, которым его предшественники не пользовались. На иерархической лестнице государей шведский король, по московским представлениям, стоял несравненно ниже царя. В начале 60-х годов, как мы помним, Иван IV пояснял Сигизмунду II, что, признавая своим «братом» шведского короля, тот нанес большой ущерб своей «чести».

Правда, нуждаясь в союзе с Эриком XIV против Великого княжества Литовского, царь готов был пойти на уступки и признать шведского короля своим «братом». Но когда оказалось, что рассчитывать на такой союз нет оснований, Иван IV утратил всякую склонность к подобным уступкам. С заключением в 1570 году перемирия с Речью Посполитой, а затем со смертью короля Сигизмунда главный противник Русского государства на Западе на длительное время вышел из войны за Ливонию. Теперь царь решил, что пришло время продиктовать шведскому королю желательные для него условия мира. Их изложил шведским послам Андрей Шелкалов в декабре 1571 года. Дело не ограничивалось тем, что король должен был уступить царю шведские владения в Ливонии и уплатить 10 тысяч талеров за бесчестье, нанесенное русским послам при свержении Эрика XIV. Юхан III должен был признать себя вассалом царя («о всем быти Ягану королю у царского величества в его воле... не отступну»), присылать своего брата с войском для участия в царских походах и, наконец, «прислати на образец герб свейской, чтоб тот герб в царского величества печати был», что символически выражало бы зависимость короля от Ивана IV как верховного сюзерена.

Положение Швеции не было таким отчаянным, чтобы согла-

шаться на подобные унижительные условия. В особенности шведского короля должны были задеть предложения признать царя своим верховным сюзереном. В кругу королевских династий Европы Вазы были династией новой, и поэтому сыновья Густава Вазы, Эрик XIV, а затем и Юхан III, особенно подчеркивали свое королевское достоинство и настаивали на своем равноправии с другими европейскими государями. К этому следует добавить, что, подобно царю, Юхан III был человеком горячим и вспыльчивым, и его ответ (как написанный «не по пригожею», он даже не был внесен в посольские книги) напоминал, по-видимому, те письма, которые посылал сам царь неприятным для него людям. Так, с явной иронией шведский король просил царя прислать ему русский герб, чтобы он мог поместить его на своей печати.

Получив такую грамоту, Иван IV в январе 1573 года взялся за перо, чтобы поставить на место сына шведского самозванца. Царь «пояснял», что «братом» ему может быть только «цысарь римский» и другие «великие государи», а Юхан III — «мужичьего рода», а «не государского». «И ты скажи, — обращался он к своему корреспонденту, — отец твой Густав чей сын и как деда твоего звали и на каком государстве сидел». Всем известно, что Густав Ваза отнял Швецию у законного государя — «дацкого дородного короля» и сам объявил себя королем, а ранее никто не слышал, чтобы в Швеции были короли. Поэтому Юхан III не может претендовать на положение, равное с другими «великими государями». «А хто будет не бережет своего государства, а к тебе пишет братом, тот сам ведает, а нам на то не сматривати». Если король хочет «ссылаться» непосредственно с царем, а не с его новгородскими наместниками, то «без почестливости тому быти невозможно», «а даром тебе с нами ссылатися не пригоже». Для этого у него нет другого выхода, как подчиниться верховной власти царя: «коли хошь с нами ссылатися мимо наместников, и ты нам поддайся, а коли поддашься, ино земля и владение и печать наша, и мы тебя жалует и ссылаемся с тобою, как своим». Грамота заканчивалась отказом царя отвечать на те ругательства («лай»), которые позволил себе Юхан III по его адресу: «А ты, взяв собачей рот, да хошь за посмех лаяти, ино то твое страдничье пригожество, тебе то честь, а нам, великим государем, с тобою и ссылатися безщестно... и будет похошь перелаиваться и ты себе найди такова же страдника, каков еси сам страдник, и с ним перелаивайся». Эти слова и выражения ясно показывают, что Иван IV смотрел на шведского правителя как на уже списанную фигуру, с которой можно не считаться, и поэтому, как и в других подобных случаях, дал полную волю своим чувствам. В этом отношении он, как мы увидим далее, также ошибся.

Шведская реакция на царскую грамоту оказалась весьма острой. Когда в июне 1573 года в Стокгольм прибыл царский гонец Василий Чихачев, то на аудиенции его принял один из придворных, одетый в

королевские одежды, а гонцу потом объяснили, что этот поступок вызван тем, что «наперед сего от государя вашего была грамота неподобная, нелзе ее слышати молодому человеку не токмо что государю».

Отношения между Россией и Швецией были прочно и надолго испорчены. Предпринятые в следующие годы с русской стороны энергичные попытки овладеть шведскими замками в Ливонии, разумеется, никак не способствовали их улучшению. Было очевидно, что Юхан III не упустит возможности взять реванш за предшествующие неудачи, а сделать это ему было тем легче, что никакого мирного соглашения между Россией и Швецией, которое ограничивало бы свободу шведского правителя, в конце 70-х годов XVI века не существовало.

Другим союзником Батория в войне с Россией стал Крым. После действий, предпринятых царем в 1575 — 1576 годах в надежде на союз с Габсбургами, крымский хан и крымская знать видели в Иване IV опасного противника и готовы были на всякие меры для его ослабления. Когда пошла речь о войне с Россией, крымский хан сразу же пообещал Баторию свою поддержку. Этим, однако, хан не ограничился. В августе 1579 года его посольство посетило Стокгольм. Передав Юхану III красивого коня и двух верблюдов, крымские послы просили шведского короля «не заключать мира с Московитом». Столь необычный для крымской политики того времени шаг ясно показывает, как сильно Крымское ханство было заинтересовано в ослаблении России. Правда, татары не могли оказать Баторию немедленную поддержку, так как в 1578—1579 годах Орда по приказу султана принимала участие в войне с Ираном, но враждебность Крыма для русских политиков не была секретом, и это заставляло постоянно держать на Оке крупные военные силы. В ближайшее время страну, измотанную многолетней войной и внутренними переменами, ожидало возобновление военных действий сразу на нескольких фронтах.

Ливонский поход 1577 года не привел к окончанию спора из-за Ливонии, как рассчитывал Иван IV. Уже осенью 1577 года ряд крепостей, занятых ранее русскими войсками, снова оказался в руках противника, а в начале следующего, 1578 года перешел на сторону Батория и ливонский король Магнус. Среди потерянных городов был Цесис (Кесь), традиционная резиденция магистров Ливонского ордена. По-видимому, обладание этим городом было своеобразным символом власти над всей Ливонией, и поэтому царь предпринял самые большие усилия, чтобы вернуть его.

В начале 1578 года под Цесис было послано войско во главе с Иваном Федоровичем Мстиславским. Осада продолжалась четыре недели, «пролом пробили великой, а города не взяли». В мае было принято решение послать в поход новое войско во главе с князем Иваном Юрьевичем Голицыным. Воеводы взяли приступом бывшую столицу Магнуса — город Пылтсамаа (Полчев), но «замешкались и к

Кеси опять не пошли». Недовольный царь принял особые меры, чтобы добиться выполнения своих приказаний. Он отправил в Ливонию дьяка Андрея Щелкалова, «а велел государь князя Ивана Булгакова (Голицына. — *Б.Ф.*) с товарищи и с нарядом отвесть под Кесь». С этой же целью из «дворовой» резиденции — Слободы было отправлено еще одно доверенное лицо царя — Данила Борисович Салтыков. Оба посланца получили приказ «промышлять своим делом мимо воевод». В результате у войска появилось много начальников, которые могли отдавать распоряжения независимо друг от друга, и это стало одной из причин неудачи похода.

Повинуясь приказу царя, войска осадили Цесис. Начался обстрел города и русская артиллерия снова разрушила часть городских укреплений. Но до штурма города дело не дошло. На помощь к Цесису подошли совместно шведские и литовские войска, действовавшие в Ливонии. 21 октября под стенами города произошло сражение, которое завершилось серьезным поражением русской армии. В полевом сражении дворянское ополчение не выдержало натиска противника. Одни из воевод погибли в бою, другие во главе с самим командующим Иваном Юрьевичем Голицыным «тогда з дела побежали и наряд (артиллерию. — *Б.Ф.*) покинули». Оставшаяся в лагере пехота и пушкари в течение целого дня успешно отбивали атаки противника. С наступлением ночи пехота ушла из лагеря в близлежащие русские крепости, а пушкари, которые не могли унести с собой тяжелые осадные орудия, по свидетельству польского хрониста Рейнгольда Гейденштейна, повесились на своих пушках. Как сообщает в своих записках Горсей, бежавшего с поля боя командующего царь приказал публично бить кнутом «на торговой площади».

Чтобы поправить положение, было принято решение об организации нового большого похода в «Немецкую землю» во главе с самим царем. В начале июня 1579 года царь прибыл в Новгород, откуда для разведки по маршруту будущего похода, «за реку за Двину», было послано войско во главе с князем Василием Дмитриевичем Хилковым. В районе Пскова стали собираться войска, но до их выступления в Ливонию дело не дошло, так как в русские земли вступила армия Стефана Батория и на первый план выдвинулся вопрос о защите собственной территории.

По окончании «бескорольевья» на повестку дня снова встал вопрос о том, какова будет теперь политика Речи Посполитой по отношению к Русскому государству. Новый король рвался к войне, надеясь победами укрепить свой пока еще недостаточно прочный авторитет, и правящая элита страны готова была его поддержать, надеясь, что теперь при выгодно складывающейся международной ситуации удастся в сжатые сроки положить конец многолетнему конфликту. Созванный в январе 1578 года сейм установил высокие налоги на ведение войны, подчеркнув в своих решениях, что войну следует вести на вражеской

территории. Сбор средств начался фактически в первых месяцах 1579 года, и тогда же в соседние страны направились королевские посланцы вербовать наемников на пополнение армии. Дипломатические переговоры продолжались, но Баторий не придавал им никакого значения — с их помощью он рассчитывал лишь оттянуть начало военных действий до того времени, когда его армия будет к ним готова.

Русские гонцы и послы, которые в эти годы постоянно появлялись в Речи Посполитой, лишь дезориентировали Ивана IV. Трудно сказать, чем это объясняется — то ли тем, что их намеренно вводили в заблуждение, то ли тем, что послы хотели сообщить царю приятные сведения. Правда, они предостерегали, что Баторий враждебно настроен по отношению к царю и хочет начать войну, но этому явно не следовало придавать значения: если дело дойдет до войны, заявляли послы, то в ней будут принимать участие лишь немногие «охочие люди» из Великого княжества Литовского, а польские паны участвовать не будут. Вообще, власть Батория в Речи Посполитой непрочна: «А во всей земле в Польше и в Литве у шляхты и у черных людей то слово, что Стефану королю на королевстве не быти, а докуды у них Стефан король на королевстве будет и до тех мест у них ни в чем добру не бывати... а болши говорят в всей земле всякие люди, чтоб у них быти на государстве московского государя... сыну». Не удивительно, что для царя, судившего о положении в Речи Посполитой по подобным сообщениям, появление на русской территории Батория во главе большой и хорошо вооруженной армии оказалось полной неожиданностью.

26 июня 1579 года из Вильно, где заканчивались приготовления к походу, Баторий послал Ивану IV грамоту с объявлением войны. Грамота открывалась резким протестом против попыток Ивана IV трактовать короля Стефана как более низкого по рангу правителя, попыток, которые он вынужден был до поры до времени терпеть: то, что со стороны царя «новые и никогда небывалые речи... подаются з вышюною мыслью над пристойность и звыклый обычай», показывает, что царь не хочет мира, и потому не остается ничего иного, как вести с ним войну. Помимо обычных для документов того рода утверждений (о нарушении другой стороной более ранних соглашений, о захвате чужих территорий) в грамоте был еще один мотив, совсем необычный. Король заявлял, что нанесенный ему и его государству ущерб он намерен «позыскивать» на особе самого царя, не желая наносить вред его подданным, «которым, яко народови крестьянскому, всякое свободы ровно зо всеми народы христианским зычим (то есть желаем. — Б.Ф.)». Смысл такого разграничения между царем и его подданными раскрывается при сопоставлении этой грамоты с другим, составленным одновременно по приказу Батория документом — обращением Батория к жителям России.

Адресуя свое послание всем жителям страны — от бояр и до людей самых низших чинов, король ставит их в известность, что высту-

пает в поход, «не желая разлития крови вашей». Его единственный враг — царь, и он хочет лишь то, что царь «совершал и совершает по отношению ко многим народам и вам, подданным его, обратить на него самого». Что же касается его несчастных подданных, то король хочет вернуть им «права и свободы, уделенные народам христианским всемогущим Богом». Обращение заканчивалось словами, что всех, кто перейдет на его сторону, ожидают «вольность и свобода прав христианских». Грамоты с текстом воззвания были отправлены в пограничные русские крепости.

В практике межгосударственных отношений это было нечто необычное. Правда, и ранее Сигизмунд II и его советники пытались использовать в своих интересах противоречия между Иваном IV и его подданными, но делалось это неофициально, с помощью тайных поручений и посольств. Теперь же сам глава государства открыто призывал чужих подданных к выступлению против собственного монарха. Это, пожалуй, лучше, чем что-либо другое, говорит о желании короля и правящих кругов Речи Посполитой нанести Русскому государству решительное поражение, используя для этого все возможные способы.

В царской ставке во Пскове был написан сравнительно недавно найденный ответ царя Баторию. В своей грамоте царь писал королю, что его латинская вера — «полухристианство», его паны «веруют иконоборные ереси люторское», а кроме того, в Речи Посполитой появилась новая, еще более опасная ересь — арианство, «а где арианская вера, тут и Христово имя не вмещается... и не подобает христианством звати и христианы тех людей именovati». Поэтому царь выражал уверенность, что Бог не может послать победы человеку, стоящему во главе подобных еретиков, и, напротив, «свое достояние искру благочестия истиннаго христианства в Российском царстве сохранит и державу нашу утвердит от всяких львов, пыхающих на ны». Был подготовлен и ответ на обращение Батория к жителям России: «грамота к литовскому королю Степану Обатуру с Москвы от духовного чину, от митрополита и от властей и от бояр и от окольных чин и от диаков и от дворян и от детей боярских и от всяких чинов людей... против ево королевские Степановы грамоты со мною укоризною и з бесчестьем». Однако к осени 1579 года на театре военных действий сложилось такое положение, что оба эти документа так и не были отправлены к польскому королю.

Поход Батория был нацелен на Полоцк, что застало русское командование врасплох. Как отмечено в «Разрядных книгах», в решающий момент русские военные силы оказались разделенными: часть войск, как уже отмечалось выше, ушла в поход «за Двину». В таких условиях трудно было рассчитывать, что русская армия сумеет остановить войско Батория и не допустит его к Полоцку. Можно было попытаться лишь усилить полоцкий гарнизон, и такая попытка была предпринята. 1 августа царь послал в Полоцк «пособляти наперед»

войско во главе с окольными Борисом Васильевичем Шеиным и Федором Васильевичем Шереметевым. Воеводы должны были «одноконечно проитти» в Полоцк, но это решение запоздало: когда воеводы выступили в поход, армия Батория уже стояла под Полоцком. Остановившись в одной из близлежащих крепостей — Соколе, воеводы предпринимали оттуда нападения на отряды, рассылавшиеся из королевского лагеря в поисках продовольствия. Они создавали серьезные трудности для королевской армии, однако не смогли помешать осаде Полоцка.

Для королевской армии осада Полоцка оказалась долгой и трудной. Гарнизон храбро сражался, отбивая приступы. Для деревянной Полоцкой крепости была изготовлена новинка — каленые ядра, которые должны были поджечь деревянные укрепления, но шли дожди, и поэтому поджечь крепость никак не удавалось. Лишь 29 августа, более чем через три недели после начала осады, венгерским наемникам удалось добиться этой цели: они подожгли стены смоляными факелами. Город был уже охвачен пожаром, но гарнизон еще сутки продолжал обороняться. Затем, однако, один из воевод, Петр Волынский, и стрельцы начали переговоры о сдаче. Петр Волынский принадлежал к числу людей, обиженных царем, — по сообщению польского хрониста Рейнгольда Гейденштейна, он жаловался королю, что сидел в тюрьме по доносу главного из полоцких воевод князя Василия Телятевского. Другие воеводы вместе с архиепископом укрылись в соборе Святой Софии и были там арестованы и доставлены королю. 1 сентября Баторий въехал в город.

На этом военная кампания не закончилась. Освободившиеся после взятия города войска Баторий направил к Соколу. Военачальникам Батория снова удалось поджечь город, и 25 сентября он был взят приступом. Один из воевод, Борис Васильевич Шеин, был убит, другой, Федор Васильевич Шереметев, попал в плен.

Гнев, охвативший царя при получении известий о военных неудачах, обрушился на его советников. Об этом подробно рассказывал оршанскому старосте Филону Кмите его лазутчик в Смоленске, сын боярский Матвей Цедилев. «Вы, нечестивый род, — обличал царь своих советников, — говорили, что Полоцк и Сокол неприступны и что король не сможет захватить эти замки, и вот Полоцк и Сокол потеряны, воины и все другие люди повергнуты». Царь обвинял их в тайном сговоре с литовцами. Главной жертвой его гнева стал глава земской Думы князь Иван Федорович Мстиславский. «Ты, старый пес, до сих пор проникнутый литовским духом, ты мне говорил, чтоб я послал тебя с сыновьями в Полоцк для противодействия польскому королю. Ясно мне (теперь) твое коварство: ты хотел нарушить присягу и подвергнуть крайней опасности моих сыновей». И, взяв палку, стал бить необычным способом, так что по лицу и рукам потекла кровь, спина распухла, и не перестал бить, пока не сломал палку».

По здравом размышлении царь должен был понять, что посылать после проигрыша военной кампании Баторию письмо с угрозами Божьего гнева, который постигнет начавшего войну, значило бы поставить себя в смешное положение. Ход войны показал, что царь имеет дело с сильным противником, и в этих условиях следовало попытаться искать мира, хотя бы на условиях, которые фиксировали то положение, которое сложилось после утраты Полоцка.

29 ноября царь отправил Баторию грамоту, в которой выражал желание положить конец войне, предлагал прислать послов для ведения мирных переговоров и до окончания этих переговоров прекратить военные действия. Ответ Батория последовал в марте 1580 года. Если царь хочет мира, говорилось в нем, то пусть он присылает к королю своих послов. Предложение о прекращении военных действий было вообще обойдено молчанием. Характер ответа не оставлял сомнений, что Баторий вовсе не заинтересован в каких-либо мирных переговорах и Ивану IV следует готовиться к новой военной кампании. И действительно, летом 1580 года начался новый поход Батория на Россию.

Записи «Разрядных книг» и сравнительно недавно найденный источник — грамоты, направлявшиеся Иваном IV одному из воевод — Василию Дмитриевичу Хилкову летом 1580 года, позволяют составить довольно полное представление о русском плане военных действий. Большие трудности при планировании военных операций представляла полная неясность относительно замыслов Батория: пойдет ли король отвоевывать замки по Западной Двине, двинет войска на Псков или выберет путь на Смоленск. Это заставляло держать войска на самых разных направлениях и требовало долгого времени для их перегруппировки, когда намерения противника станут ясными.

Однако и после того, как подобную перегруппировку удалось бы осуществить, не предполагалось направить главные русские силы против королевской армии. Они должны были находиться в глубине обороны, прикрывая пути, ведущие к главным центрам страны. Военные действия возлагались на передовые отряды. Однако и они должны были ограничиться ведением «малой войны» против королевской армии — совершать нападения на «заставы» и «станы», угонять лошадей — с этой целью в их состав было включено большое количество служилых татар. «А как будете под людьми, — наставлял Иван IV воевод, стоявших во главе этих отрядов, — и вы б в одном месте не стояли, ходили б есте переходя, чтоб вас литовские люди не нашли, а на прямое бы есте дело с литовскими людьми не ставились». Одновременно предпринимались меры для увеличения гарнизонов пограничных крепостей и снабжения их «зельем» (порохом) для успешной обороны от войск Батория.

Чем был вызван выбор такого плана военных действий, который, по существу, обрекал на пассивность главные силы русской армии?

Со времен Н. М. Карамзина, писавшего о том, как «гибли добрые Россияне, предаваемые в жертву врагам Иоанновою боязливостью», в исторической литературе вплоть до недавнего времени устойчиво сохранялось представление о том, что в распоряжении царя имелась большая армия, вполне способная вести войну с войсками Батория, но парализованный страхом царь не решался дать ей приказ об активных действиях. Но так ли это?

То, что мы знаем об Иване IV, не позволяет говорить о нем как о человеке, когда-либо отличавшемся храбростью на поле боя. Но от правителя этого и не требовалось. Царь вполне мог послать против врага своих воевод, как он это сделал, например, в 1572 году, поручив армию Михаилу Ивановичу Воротынскому. Для осторожного ведения войны был ряд других, гораздо более веских причин. Во-первых, к 1580 году царь уже не имел возможности собрать такое большое войско, как в 1563 году, когда он отправился в свой поход на Полоцк. Многолетняя война, приведшая к небывалому росту государственных налогов, внутренняя нестабильность (частые перемены владельцев, которые стремились, пользуясь моментом, выжать из крестьян максимум возможного, не думая о последствиях) и страшное моровое поветрие начала 1570-х годов — все это привело к резкой убыли населения и запустению обрабатываемых земель. Страшную картину рисуют писцовые описания новгородских пятин 1570-х — начала 1580-х годов. Уже к 1570 году в Шелонской пятине запустело около двух третей пашни, а в Деревской «в пусте» лежало 90% земель. К началу 80-х годов разорение еще более возросло. К этому времени в двух указанных пятинах население составляло 9—10% от того количества, которое проживало здесь в начале XVI столетия. Следствием этих перемен было резкое уменьшение количества детей боярских, способных нести военную службу, и военных слуг, которых они должны были приводить с собой в войско.

Во-вторых, царь не мог использовать все свое войско в войне с Баторием. Он должен был держать войска и в Ливонии против шведов и на южной границе против татар. Здесь в 1580 году положение серьезно ухудшилось; возобновились крупные нападения на южные русские уезды, в которых участвовали и крымские татары, и Ногайская орда. Правда, воеводы не пропустили татар за Оку, но Рязанская земля была снова серьезно разорена. В июне 1581 года прибывшие снова в Стокгольм крымские послы сообщали, что татары увели с собой 40 тысяч пленных. В этих условиях снимать войска с южной границы было никак нельзя.

В-третьих, само состояние, боевой дух армии, которую удалось бы собрать для ведения войны, вызывали у царя и его советников серьезные сомнения. По мере того как длилась и никак не кончалась война и дворян все время отрывали от хозяйства, которое в разоренных поместьях вести было все труднее, нарастало недовольство дво-

рянства создавшимся положением. К концу 1570-х годов это недовольство стало проявляться в массовом уклонении помещиков от несения военной службы. Уже в 1578 году «после Кесского дела», чтобы отправить детей боярских Водской пятины на службу в Ливонию, пришлось послать для их «сбора» целый отряд и устроить настоящий «сыск», арестовывая детей и слуг помещиков, чтобы силой добыть сведения об их местонахождении. По господствовавшим нормам права неявка на службу угрожала потерей поместья, но дезертирство приняло столь массовый характер, что применить эту норму оказывалось невозможно: детей боярских били кнутом и высылали на службу под конвоем. Самим сборщикам, чтобы побудить их к активности, приходилось угрожать смертной казнью.

К лету 1580 года положение не улучшилось. Как видно из относящейся к этому времени переписки царя с воеводой Василием Дмитриевичем Хилковым, дворяне не являлись на службу целыми отрядами, а чтобы найти их и доставить на службу, вслед за «сборщиками» приходилось отправлять и «высылальщиков». 20 августа 1580 года в самый разгар военных действий воеводы одной из пограничных крепостей, Невеля, сообщали, что со службы «разбежались» находившиеся в крепости дети боярские из Нижнего Новгорода, и туда срочно пришлось отправить подкрепления.

Недовольство находило свое выражение и в нежелании служилых людей жертвовать жизнью ради продолжения ненавистой войны. Пример Полоцка был не единственным. После взятия этого города гарнизон близлежащей крепости Туровля оставил ее, отказавшись подчиняться воеводам. С армией, находящейся в таком состоянии, можно было вести только «малую войну».

На что рассчитывали царь и его советники, разрабатывая подобный план военных действий? Они, несомненно, основывались на опыте предшествующих войн с Великим княжеством Литовским. В этих войнах дворянское ополчение Великого княжества, принимая походы на русскую территорию, ограничивалось обычно опустошением вражеской земли, не пытаясь овладеть опорными пунктами русской обороны. Пехота, не обученная ведению осадных работ, составляла небольшую часть литовской армии, и неудивительно, что попытки осады русских крепостей, предпринимавшиеся в годы Ливонской войны, как правило, заканчивались неудачей.

Царь и его окружение, очевидно, полагали, что так будет и впредь: русские передовые отряды будут мешать польско-литовскому войску разорять русские земли, а русские крепости, надлежащим образом укрепленные, будут недоступны для неприятеля, который к тому же не сможет долгое время вести осаду, лишившись из-за действий русских войск подвоза продовольствия.

Уже взятие польско-литовскими войсками такой крупной крепости, как Полоцк, должно было показать царю и его военачальникам,

что армия Речи Посполитой во главе с Баторием существенно отличается от армии Великого княжества Литовского времен Сигизмунда II. В Москве, однако, взятие Полоцка, как обычно, приписывалось «измене». В «Разрядных книгах» было записано, что король «Полотеск взял изменою, потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы; и как голов и сотников побили, и воеводы королю и город здали». Поэтому, готовясь к новой военной кампании, царь принял специальные меры, чтобы не допустить повторения «измены». Население западных районов страны было приведено к новой присяге на верность. Воеводам пограничных крепостей были посланы царские грамоты, в которых Иван IV призывал воевод и детей боярских, чтобы они «сидели крепко и надежно в городе и бились до смерти», обещая в случае смерти «пожаловать» и «устроить во всем» их жен, детей и «братью». Не предоставляя все воле случая, он также позаботился о том, чтобы направить в важные пункты обороны своих доверенных людей для наблюдения за действиями воевод. Так, в Великие Луки с этой целью он послал Ивана Воейкова, брата своего любимца, думного дворянина Баима Воейкова, а позднее, когда уже началась война, послал туда еще одного из своих «дворовых» приближенных — Ивана Елизарьевича Ельчанинова, но тот уже не успел проехать в окруженный войсками Батория город.

Наконец, царь постарался вымолить прощение у Бога. Падение Полоцка было явным свидетельством того, что Бог недоволен царем, и царь старался смыть свои прегрешения покаянием. Как сообщали в августе 1580 года русские пленные, Иван «приказал собраться владыкам, митрополиту со всей той земли, просил у них прощения, признаваясь в грехах своих и смиряясь перед Богом».

Подозрения в измене были, как и во многих других эпизодах царствования Ивана IV, необоснованными. Служилые люди не хотели идти на службу и умирать в ненавистой, бесконечной, разорившей их всех войне, но это вовсе не означает, что они готовы были перейти на сторону правителя «чужой» веры и «чужого» народа. Официальный историограф Батория Рейнгольд Гейденштейн в своих «Записках о московитской войне» с удивлением записал, что после сдачи Полоцка, когда король Стефан предоставил детям боярским и стрельцам на выбор, остаться в Речи Посполитой или уйти в Россию, большая их часть выбрала последнее, хотя за сдачу города их могло ожидать суровое наказание.

Неудачи русских войск объяснялись тем, что в кампании 1579 года они столкнулись с противником гораздо более сильным, чем ранее. Хотя основу польско-литовской армии по-прежнему составляла дворянская конница, Баторий и его ближайший советник Ян Замойский постарались усилить армию пехотными частями за счет вербовки отрядов венгерских и немецких наемников и рекрутского набора из крестьян государственных имений. Одновременно были

приняты меры для расширения артиллерийского парка. Пушечный двор в Вильне, созданный еще в правление Сигизмунда II, работал с повышенной нагрузкой, король сам делал рисунки для орудий, которые должны были изготовить для него литейщики. Для столь тщательно подготовленной и снаряженной армии осада и взятие крепостей перестали быть проблемой. Русский план военных действий эту новую реальность не принимал во внимание и поэтому был обречен на неудачу.

В начале августа 1580 года армия Батория перешла русскую границу в районе Великих Лук. Направление удара снова оказалось для русской стороны неожиданностью, наиболее крупные соединения русских войск оказались вдали от театра военных действий. Когда начался военный поход, повторилась ситуация предшествующего года: артиллерия калеными ядрами поджигала деревянные укрепления русских крепостей и их гарнизоны были вынуждены прекращать сопротивление. На сильный отпор польско-литовская армия натолкнулась лишь под Великими Луками. Защитники крепости обложили ее деревянные укрепления землей, и артиллерия не смогла их поджечь, штурмы были успешно отбиты гарнизоном, подкоп тоже не дал результатов. Но после недели боев стены все же подождли, и, когда пожар перебрался на город, гарнизон был вынужден сдаться.

Наиболее близким к району военных действий из всех передовых частей русской армии оказался расположенный в районе Холма корпус во главе с князем Василием Дмитриевичем Хилковым. Этот корпус и должен был затруднить свободу действий королевской армии и лишить ее подвоза продовольствия («на литовских людей, на заставы и на загонщиков и на станы приходити частыми посылками»). Царь был недоволен пассивностью Хилкова и в резкой форме выражал ему свое недовольство («а от вас деи, никоторые помочи... нет, а промыслу от вас никоторого нет»). Поэтому, когда началась осада Великих Лук, Иван вместе с большим военным отрядом послал к Хилкову одного из своих думных дворян Деменшу Черемисинова, который должен был заставить воеводу выполнять приказы царя. Нападения на королевскую армию участились, и после взятия Великих Лук Баторий был вынужден послать войска, чтобы положить им конец. Следуя царскому наказу, воеводы должны были отойти, избегая столкновения с «большими литовскими людьми», но сделать этого не успели. 21 сентября под Торопцом произошло сражение. Русский корпус был разбит, Деменша Черемисинов попал в плен, царские грамоты, посылавшиеся Хилкову, оказались в руках Яна Замойского.

Проигрыш кампании привел к переходу под власть Речи Посполитой всего Великолукского уезда. Тем самым был вбит вражеский клин между Новгородско-Псковской и Смоленской землями. Создавался плацдарм для возможных действий против главных центров обороны русской западной границы — Пскова и Смоленска.

Как реагировал царь на новые неудачи своих войск? Об этом сообщают два рассказа. Оба записаны польскими шляхтичами, побывавшими в России в годы Смуты. Станислав Немоевский по дороге на свадьбу Лжедмитрия I записал в Можайске рассказ о том, как царь после понесенных поражений бил палкой почитаемую статую Николая Можайского, приговаривая: «Зачем Литве помогаешь?» Другой польский шляхтич, Самуэль Маскевич, побывавший в Москве в 1612 году с гетманом Жолкевским, сообщал о богатых дарах царя кремлевскому Чудову монастырю: Иван IV просил патрона монастыря архангела Михаила, главу Небесного воинства, даровать ему победу над польским королем. Когда же победы не последовало, царь, разгневавшись, приказал лишить монастырский храм его убранства и разбить из пушек его золотой верх.

Оба рассказа едва ли достоверны (так, нет никаких данных о том, что в последние годы Ливонской войны Иван IV побывал в Можайске). Но они бросают свет на отношение подданных к своему государю, от гнева которого не могут спастись ни известная обитель, ни почитаемая святыня. Вместе с тем рассказы эти не могли появиться на пустом месте, в них надо видеть искаженный отголосок тех приступов гнева, которые охватывали царя при получении известий о новых победах войск Батория. Позднее царь припоминал Баторию, что во время военной кампании 1580 года «наши изратцы (изменники. — Б.Ф.) Велиж и Усвят и Озерища по твоим жаловальным грамотам твоим людем отдали». По-видимому, неудачи он снова «приписывал» «измене» своих подданных.

Положение дел для царя было тем более мучительным, что он не мог открыто излить свой гнев на главного виновника всех неприятностей — Батория. Обстановка на западном фронте складывалась так, что следовало искать мира, ибо продолжение военных действий могло привести к новым серьезным потерям.

Вместе с тем все более явным становилось и нежелание дворянства продолжать войну. 8 января 1581 года оршанский староста Филон Кмита, допросив русских пленных, сообщил королю весьма важные сведения: «Великий князь в то время имел у себя сейм, желая знать волю всех людей, своих подданных, вести ли войну или заключить мир с вашим королевским величеством. Они показали, что вся земля просила великого князя, чтобы заключил мир, заявляя, что больше того с их сел не возьмешь, против сильного господаря трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин не имеешь, на чем и с чем». Хотя исследователи (А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников) выражали сомнения в достоверности этого свидетельства, серьезных аргументов, доказывающих его ложность, так и не было приведено. Снова, подобно тому, как это было в 1566 году, царь созвал представителей дворянства для решения вопроса об отношениях с Польско-Литовским государством, и «вся земля» устами своих представителей просила о

заключении мира, так как служилые люди более не в состоянии служить с разоренных поместий. Заставить дворянство продолжать войну царь в сложившейся ситуации не мог — репрессии могли побудить подданных пойти навстречу настойчивым призывам Батория, а без активной поддержки со стороны главной военной силы страны — дворянского ополчения — нечего было надеяться дать успешный отпор противнику. Да и справедливость доводов, приведенных дворянами, была вполне очевидной. По трагической иронии судьбы правитель, всю жизнь доказывавший, что только сильная неограниченная власть может защитить страну от внешней опасности, теперь столкнулся с тем, что страна оказалась неспособной к борьбе с противником после его долгого самодержавного правления.

Приходилось искать мира. С лета 1580 года между Россией и Речью Посполитой шли дипломатические переговоры, не прерывавшиеся даже на время военных действий. Иван IV приказывал послам не обращать внимание на явные проявления пренебрежения со стороны короля, который не вставал при произнесении царского имени, не снимал шапки и не спрашивал о здоровье царя; велено было не отвечать на «укоризны» и «брань», терпеть даже побои — только бы добиться заключения мира. Но поставленная цель оказывалась недостижимой — в ответ на уступки русской стороны король и его советники выдвигали все новые требования.

В марте 1581 года русские послы сообщили царю, что переговоры закончились безрезультатно, так как Баторий требует уступки всех русских владений в Ливонии. Царь узнал также, что собравшийся в начале 1581 года сейм принял решение об установлении поборов для продолжения войны («а поступились, государь, королю для войны паны польские и литовские и вся земля с поветов дани на два годы, а иные на три годы с волока по золотому»). В этих условиях Иван IV предпринял еще одну попытку не допустить возобновления военных действий. В Варшаву было направлено новое посольство во главе с одним из «дворовых» приближенных царя Остафием Михайловичем Пушкиным и одним из лучших русских дипломатов Федором Андреевичем Писемским. От имени царя послы выражали готовность уступить все русские владения в Ливонии за исключением Нарвы и трех близлежащих замков. Ценой таких больших уступок Иван IV хотел добиться прекращения войны и в то же время сохранить для Русского государства выход к Балтийскому морю.

Вскоре после начала новых переговоров планам царя неожиданно нанес удар один из членов непомерно обласканной и возвышенной им семьи. В мае 1581 года к Баторию бежал царский стольник Давыд Бельский, племянник Малюты Скуратова. Изменник предложил свои услуги королю и призывал того возобновить войну и предпринять поход на Псков: «Людей во Пскове нет и наряд вывезен и здадут тебе Псков тотчас». Баторий и его окружение и так

склонялись к продолжению войны; сообщения знатного перебежчика послужили, вероятно, окончательным толчком к принятию такого решения. Поэтому повторилась обычная для переговоров ситуация. В ответ на новые уступки последовали новые требования: Баторий требовал теперь уступки не только всей Ливонии, но и части русских крепостей, занятых его войсками в 1580 году, а также выплаты 400 тысяч венгерских золотых в качестве возмещения за военные издержки. Такое требование контрибуции было беспрецедентным в столетней практике отношений между Россией и ее западными соседями и ясно показывало, что правящие круги Речи Посполитой не заинтересованы в заключении мира. Возобновление войны стало неизбежным.

Получив ответ на свои предложения, Иван IV приказал воеводам начать военные действия и 23 июня 1581 года обратился с письмом к королю Стефану. Это последнее из обширных посланий, написанных им за годы его политической деятельности. Смысл ответа сводился к тому, что условия мира, предложенные Баторием, он принять не может и, пока король не изменит своей позиции, прерывает с ним мирные переговоры. «А будет же не похочеш доброго дела делати, а похочеш кровопролитства хрестиянского, и ты б наших послов к нам отпустил, а уже вперед лет на сорок и на пятьдесят послом и гонцом промеж нас не хаживать». Для того чтобы это высказать, достаточно было довольно краткой грамоты, однако из-под пера царя вышел весьма обширный и сложный по структуре текст.

Поскольку в тексте послания имеется много резких высказываний в адрес Батория, исследователи полагали, что царь, вынужденный при переговорах терпеть проявления неуважения и сдерживаться, пока была надежда на мир, теперь, когда война стала неизбежной, дал волю тем чувствам гнева и раздражения, которые вызывали у него действия Батория. Ряд особенностей послания противоречит, однако, такому пониманию. В отличие от других посланий такого рода, в которых ярко прослеживаются изменение настроений царя, эмоциональные вспышки, вызванные тем или иным непосредственным импульсом, послание Баторию производит впечатление продуманного текста, где эмоциональные, подчас весьма яркие высказывания подчинены проходящей через весь текст некоторой общей идее.

Идея эта находит свое воплощение в образе короля Стефана, нарисованном на страницах послания. Он противопоставляется своим предшественникам — «хрестьянским побожным» государям, которые стремились к миру, «чтоб как на обе стороны любо было, а хрестьянская бы кровь невинная напрасно не проливалася», а теперь «в твоей земле хрестьянство умалется», и поэтому король считает возможным нарушать все традиционные нормы отношений между государствами, не соблюдая взятые на себя обязательства. А не только христианские, но и мусульманские государи соблюдают заключен-

ные соглашения: «хотя и в бесерменех и государи дородные и разумные то держат крепко и на себя похулы не наведут».

В отличие от христианских государей Баторий стремится разжигать войну между христианами и радуется кровопролитию: «Пишешь и зовешься государем хрестьянским, а дела при тебе делаютца не прилишны хрестьянскому обычаю: хрестьяном не подобает кровем радоватися и убийством и подобно варваром деяти». И само поведение Батория на переговорах, когда в ответ на уступки он выдвигает все новые требования, показывает, что он не хочет мира: «Мы с которым делом к тебе послов пошлем, и ты по тому не похочеш делати, да иное дело вставши да порвав да воевать». Поэтому продолжать мирные переговоры бесполезно: «Мы б тебе и всее Лифлянские земли поступились, да ведь тебя не утешить же, а после того тебе кровь проливати же».

Неоднократно возвращаясь к тому, как Баторий ведет мирные переговоры, царь постоянно указывал, что он следует при этом «бесерменским» (то есть мусульманским. — *Б.Ф.*) обычаем. Так, говоря о том, что Баторий устанавливает такие сроки для приезда русских послов и гонцов, к которым те никак не могут поспеть, царь замечает, что король делает так «с бесерменского обычая». И требования контрибуции — такого же происхождения, «а в хрестиянских государствах того не ведетца, чтоб государ государу выход давал», да и сами мусульмане требуют «выхода» только с христиан, «а меж себе выходов не емлют».

Все эти указания и намеки приводят к конечному выводу, сформулированному в прямом обращении царя к Баторию: «Ино то знатно, что ты делаеш, предаваючи хрестиянство бесерменом! А как утомиши обе земли, Рускую и Литовскую, так все то за бесермены будет». В послании нигде прямо не говорилось, что трансильванский князь — вассал султана, заняв польский трон, разжигает войну между христианами, следуя указаниям своего сюзерена, но все его содержание подсказывало читателю такой вывод.

Другая тема послания касается отношений между разными частями христианского мира и выдержана совсем в другом ключе, чем прочие высказывания царя на эту тему. В полном противоречии со всей предшествующей древнерусской традицией и собственными высказываниями царь решительно заявлял, что у «папы и у всех римлян и латын то и слово, что однако вера греческая и латинская». Так «уложили» папа Евгений IV и император Иоанн VIII Палеолог на соборе во Флоренции, «где из Руси был тогда Исидор митрополит». Если это утверждает сам папа, то очевидно, что для конфликтов между христианами — православными и католиками — нет почвы. «А у нас, — писал далее царь, — которые в нашей земле держать латинскую веру, и мы их силою от латинские веры не отводим и держим их в своем жаловании з своими людьми ровно, хто какой чести достоин,

по их отечеству и службе, а веру держать, какову захотят». Если обвинения Батория в «бесерменстве» могли диктоваться желанием оскорбить противника, подчеркнуть свое превосходство над ним, то этой цели явно не могли служить приведенные выше высказывания о «латинской вере» и «латинянах».

Какую же цель преследовал царь, взявшись за составление этого послания? Очевидно, он предпринимал еще одну попытку предотвратить войну.

Разумеется, царь никак не мог ожидать, что такие его высказывания побудят короля Стефана искать мира. Послание царя могло произвести на польского правителя только противоположное действие. Однако, как представляется, оно по существу было адресовано совсем не этому монарху.

В соответствии с характерными для Речи Посполитой обычаями круг королевских советников, магнатов, занимавших высокие государственные должности, со сменой правителей не претерпевал существенных изменений. Царь знал, что в раде нового короля заседают люди, которые в недавнем прошлом поддерживали Габсбургов и участвовали в обсуждении планов большой антитурецкой коалиции. Как представляется, своим шагом Иван IV хотел обратить их внимание на то, в каком противоречии с этими планами находится политика Батория, чтобы они побудили короля к прекращению войны. Подчеркивая близость «латинской» и «греческой» вер и отзываясь положительно о решениях Флорентийского собора, царь также хотел создать условия для осуществления других дипломатических шагов, которые содействовали бы прекращению войны.

Первоначально царь возлагал определенные надежды на помощь прежних союзников — Габсбургов. Уже в марте 1580 года он послал в Вену гонца Афанасия Резанова с «опасной грамотой» для послов Рудольфа II, которые должны были продолжить переговоры о союзе между Россией и державами Габсбургов. Однако послы «цесаря» так и не прибыли, а летом 1580 года купцы Любека сообщили царю, что император установил запрет на ввоз в Россию меди, олова и свинца — металлов, необходимых для производства вооружения.

Тогда царь принял решение обратиться за содействием и поддержкой к папе в Рим. Исследователи, знавшие, что царь постоянно подчеркивал свою враждебность к «латинской» вере и, в отличие от своего деда и отца, не поддерживал никаких контактов с папами, не могли понять, как Иван IV пришел к такому решению. Как нам представляется, оно было подготовлено теми переменами в отношениях между царем и католическим миром, которые произошли в годы переговоров о создании антиосманской коалиции. Когда на рейхстаге в Регенсбурге послы царя предлагали, чтобы союзники Габсбургов прислали в Москву своих послов вместе с послами императора, на первом месте среди этих союзников был назван папа римский. Там

же в Регенсбурге послов царя, князя Захария Сугорского и дьяка Андрея Арцыбашева, посетили посланцы присутствовавшего на рейхстаге папского легата, заверившие, что «пресветлейший государь наш папа римский тому рад, что быти с государем вашим в любви и в докончаньи и на всех недругов стояти заодин». Они хотели передать послам соответствующую грамоту папы царю. Так как другие союзники Габсбургов (например, испанский король Филипп II) ничего подобного не делали, предпринятые шаги говорили об особой заинтересованности римской курии в привлечении России в состав антиосманского союза.

Неудивительно, что царь решил воспользоваться этой заинтересованностью, чтобы при содействии Рима добиться прекращения столь неудачно складывавшейся войны. В августе 1580 года, узнав о приходе войск Батория к Великим Лукам, Иван IV отправил с грамотой в Рим своего гонца Истому Шевригина. Напоминая папе Григорию XIII об участии его дипломатов в переговорах об антиосманском союзе, царь заявлял, что по-прежнему желает «впредь с тобою, папою римским, и с братом нашим, с Руделфом с цесарем, быти во единачестве и в докончанье и против всех бесерменских государей». Но исполнить свои желания в настоящее время царь не может из-за враждебных действий Батория, который, «сложася с бесерменскими государи, с салтаном с турским и с крымским царем, и ныне кровь крестьянскую разливает не переставая». Поэтому царь просил, чтобы папа королю Стефану «от своего паствыства и учительства приказал, чтоб Стефан король с бесерменскими государи не складывался и на кроворазлитье крестьянское не стоял». До Рима Шевригин добрался лишь в конце февраля 1581 года, сразу по приезде был принят папой и уже 30 февраля (такая дата стоит в его посольском отчете) Шевригину сообщили, что папа отправляет к царю и к Баторию своего посла Антонио Поссевино, который будет содействовать тому, «чтоб король на государя войною не ходил и крестьянские крови не разливал».

Отвечая на грамоту царя, папа Григорий XIII вежливо, но твердо отклонил его обвинения в адрес Батория. Однако заявил о своей готовности содействовать заключению мира, чтобы «те збруи (оружие.— Б.Ф.) хрестьянские на невернаго вместе поворотить». Курия действовала оперативно, уже 28 марта папский посланец отправился в путь.

Знакомство с содержанием послания папы показывает, что откликнуться на обращение царя римского первосвященника побудила отнюдь не только заинтересованность в соединении христианских государств для борьбы с «неверными». С приходом на папский трон Григория XIII совпали большие изменения в политике Рима. В предшествующие десятилетия все внимание папского престола поглощала борьба с еретиками-протестантами, но с конца 70-х годов XVI века

одной из важных задач становится распространение католического вероучения в православном мире. Заметным симптомом наступивших перемен стало создание в 1577 году в папской столице нового учебного заведения — коллегии Святого Афанасия для обучения греческой молодежи, которая затем понесла бы свои знания об истинной вере на православный Восток. Тогда же появилось печатное издание деяний Флорентийского собора. В этих условиях Россия, как главная держава православного мира, не могла не привлечь к себе особого внимания политиков из папской курии. Познания о России были здесь довольно ограниченными, но вполне определенными. Здесь было известно о большом благочестии русского народа, о храмах, переполненных людьми во время богослужения, о глубоком почитании, каким окружены здесь образы святых. Эта страна, полностью чуждая протестантским учениям, в случае ее обращения на истинный путь могла стать одним из главных оплотов католической веры в Европе. Надежды на такое обращение питались устойчивым представлением о том, что никаких своих серьезных религиозных традиций в России нет, что русские просто следуют вере, полученной ими от греков, поэтому, если хорошо им объяснить, в чем состоят заблуждения греков, они легко откажутся от «греческой веры». Кроме того, в Риме прекрасно знали, что царь Иван пользуется в России огромной, неограниченной властью, которой он подчинил и церковь. Тем самым задача «обращения» России значительно упрощалась: достаточно было показать заблуждения греков одному человеку — царю.

Начавшиеся по инициативе Ивана IV переговоры открывали для Рима такую возможность, и папа Григорий XIII попытался ею воспользоваться. «Едина бо церковь Божия есть и едино Христово стадо и един после Христа на земле наместник и пастырь по всем странам», — писал папа Ивану IV. Что папа и есть единственный глава всего христианского мира, было признано на Флорентийском соборе, в котором участвовали «всего Греческого царства епискупы». Об этом рассказано в книге деяний Флорентийского собора, которую папа посылает царю. Пусть Иван IV прикажет своим богословам («докторам»), «чтоб ее чли». Правда, греческие епископы отказались затем от решений Флорентийского собора, «не похотели быти под послушеством римские веры, и они впали в великую тяготу у неверного кровопивца Турка». «И ты себе на то, — писал папа царю, — крепко раздумывай»: не навлечет ли царь, держась греческой веры, такие же тяжелые несчастья на свою страну.

Выполнение миссии было поручено одному из лучших дипломатов курии. Итальянец Антонио Поссевино, занимавший высокий пост в ордене иезуитов, неоднократно с успехом выполнял важные дипломатические миссии. В 1578 — 1579 годах он был направлен в Швецию, чтобы убедить шведского короля Юхана III отказаться от лютеранской веры и принять католицизм. Теперь с аналогичной мис-

сией он отправлялся в Россию. Написанное Поссевино по окончании его миссии сочинение «Московия», изданное в 1586 году в Вильне, содержит много интересных сведений о России и царе Иване IV.

Какие бы расчеты ни связывала с миссией Поссевино папская дипломатия, успех дипломатии Ивана в Риме был несомненным. Курья согласилась содействовать его усилиям по прекращению тяжелой, невыгодно складывавшейся для России войны. Но в Речи Посполитой дипломатическая акция царя потерпела полную неудачу.

Ответ на царскую грамоту, написанный по приказу короля одним из ближайших его советников, канцлером Яном Замоийским, и отправленный царю 2 августа 1581 года, был необыкновенно резким по тону и значительно превосходил в этом отношении резкость выражений царской грамоты.

Пожалуй, никогда за все время своего правления царь не получал столь оскорбительного письма. Правда, некогда Андрей Курбский обращался к своему бывшему монарху с горькими и обидными словами, но для Курбского Иван IV был великим православным царем, изменившим своему предназначению. В послании же Батория царь последовательно изображался как темный и дикий варвар, который не способен даже изложить по порядку собственные мысли, а это, ядовито замечает Замоийский, говорит, что «подобно на тот час и разум твой велми помешал и нарушил». Не случайно тот раздел послания, в котором были изложены все доводы о правах Речи Посполитой на Ливонию, заключался следующим энергичным утверждением: «А с тобою, который хрестиянских народов и справ не сведом, одно своих диких и грубых, напрасно о том мовити».

Царь не только дикий варвар, но и жестокий тиран, которому нет места в христианском мире. Издеваясь над притязаниями Грозного на происхождение от византийских императоров, Замоийский писал, что скорее всего он происходит не от кого иного, как от греческого тирана Фиеста, который подал на обед гостю его собственных сваренных детей, но царь далеко превзошел своего предка. Фиест погубил только двух детей, а царь — население целого города Новгорода. «Неволил, грабил, губил, нишил». По справедливости его можно приравнять к величайшим злодеям древности — Каину, Фараону и Ироду. Царь не только жесток, но и труслив. Когда началась война, он не посмел выйти в поле со своим войском, чтобы защитить свою страну от Батория. «И бедная кокош (курица. — *Б.Ф.*), — писал Замоийский, — перед ястребом с орлом птенца своя крилами своими окривает, а ты, орле о двух головах... хороняешься».

Вызывающий характер послания ясно показывает, какие настроения господствовали в правящих кругах Речи Посполитой накануне возобновления войны. С Иваном IV обращались как с правителем, который уже бесповоротно проиграл войну и которому ничего не остается, как сдаться на милость победителя. Для надежд на новые ус-

пехи у польско-литовских политиков были как будто весьма серьезные основания. Из перехваченной после сражения под Торопцом переписки ясно следовало, что царь намерен избегать полевых сражений, а русские крепости, как показал опыт кампаний 1579—1580 годов, не могут противостоять огню вражеской артиллерии. В этих условиях здесь стало складываться убеждение, что настал самый благоприятный момент для того, чтобы не только решить в свою пользу спор из-за Ливонии, но и нанести Русскому государству такой удар, который навсегда бы положил конец его притязаниям на руководящую роль в делах Восточной Европы. В Варшаве не находили нужным скрывать, что главной целью нового похода будет Псков. «А как государь наш возьмет Псков, — говорил русским послам один из литовских магнатов, — и Лифлянская земля и без отдачи вашего государя будет за нашим государем». Но взятием Пскова планы руководителей похода не ограничивались. Не случайно из королевского лагеря было отправлено специальное письмо населению Новгорода. Напоминая о страшном разгроме города в 1570 году, король призывал новгородцев к восстанию против тирана. Так вырисовывались конечные цели военной кампании — оторвать от Русского государства весь северо-запад. Утратив этот край, Русское государство вряд ли смогло бы в дальнейшем выступать как равноправный партнер Речи Посполитой.

Правящие круги Речи Посполитой не считали нужным скрывать своих намерений от царя. «Вже, — писал ему Замойский от имени короля, — меж нами далей не о Ифлянты толко, але о все пойдет». Когда писались эти слова, армия Батория уже выступила в поход.

Положение было тяжелым. Русское государство по-прежнему находилось в международной изоляции. Продолжалась война со Швецией. На юге положение ухудшилось даже по сравнению с 1580 годом. Набеги крымских татар и ногайцев резко усилились, охватив большую территорию от Белева до Алатыря. Глава Ногайской орды князь Урус продал в рабство в Бухару находившихся у него русских послов, подчеркнув тем самым, что он не желает установления мира с Россией. Для сбора средств на продолжение войны потребовались чрезвычайные меры. Были отменены податные привилегии (даже для наиболее чтимых обитателей, таких, как Кирилло-Белозерский или Иосифо-Волоколамский монастыри), «со всей земли для войны» «по розводу» собирался чрезвычайный налог «в государев подъем». Даже купцы английской Московской компании должны были внести в государеву казну одну тысячу рублей.

В сложившейся ситуации была и благоприятная сторона: так как власти Речи Посполитой не скрывали своих намерений, то можно было заблаговременно подготовиться к отпору. Во Пскове было собрано много пушек и пищалей, большие запасы пороха, ядер и продовольствия, туда перебрасывались войска из ряда соседних крепос-

тей и из Москвы. С осени 1579 года в городе постоянно находился один из дворовых бояр царя — князь Иван Петрович Шуйский. Вызвав его в Москву, царь возложил на боярина главную ответственность за оборону города.

Охваченный тревогой царь ожидал известий с поля сражения и, боясь новых проявлений Божьего гнева, просил монастырскую братию о заступничестве перед небесными силами. 24 августа 1581 года он писал братии Соловецкого монастыря: «Смея и не смея челом бью, что есми Бога прогневал и вас, своих богомольцов, раздражил и все православие смутил своими неподобными делы и за умножения моего беззакония и ради согрешения моего к Богу, попустившему варваров христьянства разоряти».

Принимая меры к организации отпора врагу, царь одновременно пытался возобновить мирные переговоры. Надежды его в этом отношении связывались с давно ожидавшимся приездом папского посланца. Царь не скупился на жесты, которые должны были показать его расположение к римской церкви. Получив первые известия о приближении Поссевино к Смоленску, царь предписал смоленскому епископу Сильвестру принять его, если папский посол этого захочет, и разрешить ему присутствовать на богослужении в кафедральном соборе. «И ты б в те поры, — наставлял епископа царь, — в Пречистой Богородице сам служил со всеми соборы нарядно». 20 августа царь принимал Поссевино в своей «дворовой» столице — Старице, и посланец поднес ему драгоценный дар от папы — частицу креста, на котором был распят Христос. На пиру, который последовал за официальным приемом, царь, как отметил Поссевино, «произнес очень важную речь о союзе и дружбе своих предков с папой римским и заявил, что папа является главным пастырем христианского мира, наместником Христа и поэтому его подданные хотели бы подчиняться его власти и вере». 12 сентября, когда посредник уже выехал к королю Стефану, сработал тот дипломатический ход, который предпринял царь, составляя свое послание Баторию. Иезуит «проведал мимо короля тайно у ближних его людей», как положительно отзывался Иван IV о решениях Флорентийского собора, и был этим очень обрадован. Стремясь завоевать расположение царя и тем закрепить достигнутый успех, Поссевино убеждал Батория возобновить мирные переговоры. Однако король пошел навстречу его увещаниям лишь тогда, когда дела под Псковом приняли совсем не тот оборот, на который он рассчитывал.

Делая ставку на внутренние раздоры в русском обществе, правящие круги Речи Посполитой допустили ошибку, которую потом не раз повторяли политические деятели других государств и других эпох. Когда резко возросла внешняя опасность, русское общество сплотилось вокруг своего правителя. Новгородцы переслали царю грамоту Батория. Под стенами Пскова королевскую армию также ожидало упорное сопротивление.

Приемы войны, столь успешно использованные в кампаниях 1579 и 1580 годов, под Псковом оказались непригодны. Стены псковской каменной крепости нельзя было поджечь калеными ядрами, и королевской армии пришлось перейти к крепостной осаде по всем правилам военной науки. После постройки земляных укреплений, под защитой которых польско-литовские войска смогли приблизиться к стенам Псковского кремля, и установки осадных башен («туров»), на которых разместилась часть артиллерии, 7 сентября начался артиллерийский обстрел крепости, продолжавшийся и на следующий день. Был разрушен участок крепостной стены между Покровской и Свинусской башнями и серьезно повреждены сами эти башни. Затем начался штурм. Однако псковские воеводы разгадали планы противника и заблаговременно поставили на угрожаемом участке за линией укреплений новую деревянную стену, на которой были установлены орудия. Эта стена не дала противнику прорваться в город. Лишь Свинусская и Покровская башни оказались в руках поляков, но защитники сумели взорвать их вместе с ворвавшимися туда солдатами. Штурм был отбит с большими потерями для нападавших. Неудача была тем более досадной, что Баторий, рассчитывая на быстрый успех, не снабдил армию большими запасами пороха и снарядов и вынужден был на время прервать боевые действия. Передышкой попытались воспользоваться воеводы, чтобы усилить псковский гарнизон. В середине сентября — начале октября русские войска предприняли три попытки пройти во Псков (сначала по реке Великой, затем по суше), и части отрядов удалось пробиться в город. Польско-литовские войска пытались взорвать городские стены с помощью подкопов, но все эти попытки, наткнувшись на противодействие осажденных, закончились неудачей.

Враг был остановлен, и тем самым опасные планы расчленения Русского государства потерпели неудачу. Но положение в целом оставалось тяжелым. У государства не хватало сил на то, чтобы успешно вести войну на нескольких фронтах. Где тонко, там и рвется. Стараясь сделать все, чтобы создать во Пскове мощный узел сопротивления, царь вывел туда войска из ливонских крепостей, и последние остались беззащитными перед новым наступлением шведской армии, которое, конечно, не случайно началось одновременно с походом Батория летом 1581 года. В то самое время, когда пушки Батория начали стрелять по Пскову, тяжелая шведская артиллерия принялась разбивать стены Нарвы. 6 сентября город был взят штурмом. В бою погиб не только гарнизон, но и все русское население города (согласно таллинскому хронисту Балтазару Рюссову, свыше 7 тысяч человек с женами и детьми). Со взятием Нарвы шведами прервалось и «нарвское плавание», прямо и непосредственно связывавшее Россию со странами Западной Европы. Одной из главных целей Ливонской войны было приобретение на Балтике порта, в ко-

тором бы без принудительных посредников русские купцы могли встречаться с купцами из стран Западной Европы. Теперь этот порт был утрачен. Вдохновленная успехом шведская армия перешла реку Нарову и атаковала крепость Ивангород, поставленную некогда Иваном III на границе с Ливонским орденом. Ее гарнизон, по замечанию польского хрониста Рейнгольда Гейденштейна, «отчаявшись по самой своей малочисленности в успешности защиты», капитулировал. Так, овладев русскими владениями в северной части Эстонии, шведские войска вторглись в Новгородскую землю. На польском фронте также возникли серьезные проблемы. Хотя основные силы Батория были остановлены под Псковом, король высылал в походы отдельные отряды — так называемые «загоны», которые своими действиями довершали разорение западных русских уездов. Наиболее крупный из этих «загонов» во главе с литовским магнатом Кшиштофом Радзивиллом, разорив районы Ржева и Зубцова, дошел до самой Старицы, и из окон своего дворца царь мог видеть, как горят в окрестностях города деревни, подожженные «литовскими людьми».

Наконец, что, может быть, самое важное, оставался неясным исход борьбы за Псков. 22 октября Антонио Поссевино сообщал царю из королевского лагеря: король «в твоеи земли зимовати и допозна воевати удумал» и приказал доставить под Псков тяжелые орудия и порох из Риги и других мест. Правда, в том же письме говорилось, что Баторий согласен на возобновление мирных переговоров, но никаких документов, которые позволили бы организовать встречу представителей сторон, из королевского лагеря не было прислано ни в конце октября, ни в начале ноября.

В таком напряженном ожидании в Александровой слободе, куда Иван IV переехал из Старицы, произошло его столкновение со старшим сыном, закончившееся трагическим исходом.

К 1581 году семья Ивана IV была немногочисленной. Дочери его и сын Василий (от Марии Темрюковны) умерли в детстве, и в живых оставались лишь два его сына от Анастасии Романовны — Иван, родившийся в 1554 году, и Федор, родившийся в 1557 году. Царь по-разному относился к своим сыновьям. Федор сравнительно редко появлялся в царском окружении, во время поездок отца по стране часто оставался в Москве. Вероятно, это объяснялось его неспособностью к государственным делам.

Совсем иным было отношение царя к старшему сыну и наследнику. Он везде и постоянно следовал за отцом, присутствовал вместе с ним на приемах иностранных послов, участвовал в военных походах, выезжал на место публичных казней. Иногда он даже участвовал в расправах, предпринимавшихся по приказу царя. Шлихтинг рассказывал, как царь, решив перебить польских пленных, сам ударил копьем шляхтича Павла Быковского. Когда же Быковский пытался

«вырвать своими руками вогнанное копьё из руки тирана», тот позвал на помощь сына, «который другим копьём, которое держал, пробил грудь Быковского». Однако все эти многочисленные свидетельства фиксируют лишь присутствие царевича, но не говорят ничего о каких-либо его самостоятельных действиях, так что по ним нельзя судить об Иване Ивановиче ни как о личности, ни как о деятеле, принимающем участие в управлении государством. С середины 60-х годов XVI века у царевича Ивана был свой небольшой двор. Его приближенные, входившие в состав двора, часто упоминаются в «Разрядных книгах», но как царевич управлял этим двором, мы не знаем. В отличие от своего тезки Ивана Молодого, старшего сына Ивана III, царевич не управлял какими-либо территориями и не командовал войском во время походов. Отец постоянно держал сына при себе, не давая ему никакой доли реальной власти. Поскольку царевич, как тень, следовал повсюду за отцом, со временем он и стал восприниматься как человек, подобный отцу. В народной песне о гневе Грозного на сына старший царевич обвиняет перед отцом младшего, что тот не захотел участвовать в казнях, производившихся по приказу царя (он, как говорится в песне, «задергивал решетки железные. И подпись подписывал, что улицы казнены и разорены, а остались те улицы не казнены, не разорены»). Эти слова песни находят очевидную параллель в слухах, сообщавшихся польско-литовскими лазутчиками во время кампании 1580 года. Надежды недовольного войной дворянства, согласно этим слухам, связывались с царевичем Федором: он должен был прибыть в Смоленск и договориться с Баторием о прекращении военных действий. Очевидно, в глазах русского общества Иван Иванович выступал как соратник отца, готовый во всем продолжать его политику, однако мы не знаем, насколько эта репутация была действительно заслуженной.

О личности царевича позволяют судить литературные тексты, связанные с его именем. В последние годы правления Ивана IV особым вниманием царской семьи стал пользоваться Антониев-Сийский монастырь на реке Сии, притоке Северной Двины. Пользуясь благоволением царя, игумен монастыря Питирим в 1579 году обратился к царю с просьбой о канонизации основателя монастыря — Антония. В связи с этим игумен Питирим, а также ученик Антония Филофей, «его жития первый писатель», и другой ученик Антония новгородский архиепископ Александр обратились к Ивану Ивановичу (находившемуся в 1579 году с отцом в Новгороде, где подготавливался очередной поход в Ливонию) с просьбой написать канон новому святому. Царевич выполнил их просьбу (после его смерти рукопись канона отец отослал в Антониев-Сийский монастырь), но этим не ограничился. Познакомившись с житием Антония, которое привезли монахи, царевич был не удовлетворен безыскусным повествованием («зело убо суще в легкости написано») и переработал текст.

Изучение этой редакции жития характеризует Ивана Ивановича как книжника, хорошо владеющего литературным языком и принятыми приемами литературной работы с текстом. Многочисленные цитаты, которыми «многогрешный» автор «колена Августова от племени Варяжского» наполнил повествование, показывают его знатоком не только текстов Священного Писания, но и житий русских святых. Царевич, очевидно, был внимательным читателем Великих Миней четьих, хранившихся в царской библиотеке. Все это позволяет утверждать, что царевич был книжником, подобно отцу, но походил ли он на него и в других отношениях, сказать трудно. Стоит отметить, что в своем творчестве царевич старательно следовал принятым литературным нормам, в то время как отец их постоянно нарушал.

Что же произошло между отцом и сыном в Александровой слободе? Сохранился ряд рассказов об этом. Псковский летописец записывал, что царь «сына своего царевича Ивана того ради осном (посохом с острым железным наконечником. — Б.Ф.) поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова». Не совсем ясные слова летописца становятся понятными из рассказа придворного хрониста Батория Рейнгольда Гейденштейна, записавшего, что «царевич слишком настойчиво стал требовать от отца войска, чтобы сразиться с королевскими войсками». Эта версия повторяется в целом ряде источников, со все новыми деталями. Павел Одерборн в своем сочинении, напечатанном в 1585 году, писал, что бояре и дворяне просили выслать против Батория войско во главе с царевичем и тем вызвали гнев Ивана IV против наследника.

Другую, но близкую версию происшедшего находим в некоторых польских источниках. Так, уже упоминавшийся Рейнгольд Гейденштейн приводит и иной рассказ о том, что произошло: царь стал хватать перед сыном своим богатством, царевич заявил, что «предпочитает сокровищам царским доблесть, мужество, с которыми... мог бы опустошить мечом и огнем его владения и отнял бы большую часть царства». Обе версии объединяет сквозящий в них мотив осуждения царя в трусости: он не стал во главе своего войска, чтобы защитить свою страну от вторгшегося в нее врага.

Совсем иной рассказ приводит в своей «Московии» Поссевино. По его словам, царь, застав беременную жену царевича одетой лишь «в нижнее платье», пришел в гнев и стал бить женщину своим посохом. Царевич вступился за жену. В гневе он кричал отцу: «Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастыре, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве». Тогда отец и нанес сыну посохом роковой удар, а жена царевича «на следующую ночь выкинула мальчика». Рассказ Поссевино хорошо согласуется с тем, что нам известно о семейной жизни царевича по другим источникам. Первую жену царевича, Евдокию Сабурову, царь выбрал сам в 1571 году из

числа невест, съехавшихся на смотрины перед его женитьбой на Марфе Собакиной. В 1574 году новой женой царевича стала Феодосия, дочь рязанского сына боярского Петрово-Солового, а в 1581 году у Ивана Ивановича была уже третья жена — Елена, дочь погибшего в 1577 году под Таллином боярина Ивана Васильевича Шереметева. В XVII веке автор известного сочинения о событиях Смуты — «Временника», дьяк Иван Тимофеев, записал, что царевич вступал в новые браки не потому, что его жены умирали, «но за гнев еже на нь, они свекром своим постризаеми суть», то есть невесток, вызвавших неудовольствие царя, по его приказу постригали в монахини. Такое деспотическое вмешательство в личную жизнь не могло не раздражать царевича. Относительно его смерти Иван Тимофеев отметил, что царевич умер, как рассказывают, «от рукобиения... отча... за еже отцевски в земных неподобство некое удержати хотя», то есть желая удержать отца от какого-то «неподобного» поступка. Таким образом, и для Ивана Тимофеева смерть царевича была связана с каким-то семейным скандалом. Наконец, еще одну версию находим в сочинении англичанина Джерома Горсея. По его словам, царь рассердился на сына за то, «что он приказал чиновнику дать разрешение какому-то дворянину на 5 и 6 ямских лошадей, послав его по своим делам без царского ведома».

Исследователи отдают обычно предпочтение рассказу Поссевино, но в действительности у нас нет серьезных оснований для того, чтобы предпочесть один из этих рассказов другим. Бесспорным остается лишь одно: царевич умер от удара посохом, который нанес ему отец.

Царь, по-видимому, и ранее бывал недоволен сыном. Перебежавший в Литву весной 1581 года Давыд Бельский рассказывал, что он «не любит старшего сына и часто бьет его палкой». Почему на этот раз гнев царя оказался особенно сильным, так что он перестал себя контролировать, становится понятным, если учесть, в каком положении царь оказался к осени 1581 года. Великий православный монарх, избранный Богом для утверждения православия во всем мире, был вынужден молча терпеть оскорбления, которые наносил ему безвестный выскочка, силою обстоятельств оказавшийся на польском троне, а также оказывать любезности католическому патеру, приехавшему из самого центра нечестивой латинской веры — Рима. Гнев и раздражение накапливались, тем более что царь не мог излить их на своих воевод, от преданности и мужества которых зависел исход войны, принявшей столь опасный для царя оборот. Прорвавшись, гнев этот обрушился на одного из близких, постоянно находившихся при царе людей, и таким человеком оказался его старший сын и наследник.

Первоначально инциденту, происшедшему 9 ноября, не придали никакого значения, но царевичу становилось все хуже и хуже, и 12-го числа царь был вынужден известить руководителей земской Думы,

что он не может ехать в Москву, как они договаривались, так как его сын Иван «ныне конечно болен», «а нам докудова Бог помилует Ивана сына ехать отсюда невозможно». Дядя наследника, Никита Романович, выехал в Слободу с врачами и лекарствами, но царевичу ничего не помогло, и 19 ноября он умер.

Царь, разумеется, вовсе не хотел убивать сына, и то, что произошло, стало для него сильным потрясением. Поссевино, вскоре после этого побывавший в Москве, записал: «Каждую ночь князь под влиянием скорби (или угрызений совести) поднимался с постели и, хватаясь руками за стены спальни, издавал тяжкие стоны. Спальники с трудом могли уложить его на постель, разостланную на полу». Сообщение это находит подтверждение в важном отечественном источнике. Как записано во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, 6 января 1583 года, посетив обитель, царь призвал к себе троицких старцев Евстафия Головкина и Варсонофия Якимова, а также своего духовника Феодосия Вятку и просил их устроить в обители ежедневное поминовение по его сыне «вовсеки и навеки, докуды обитель сия святая стоит». «И о том поминание о царевиче Иванне плакал и рыдал, и умолял царь и государь, шесть поклонов в землю челом положил со слезами и рыданием». Так через два года после гибели сына царь продолжал оплакивать его смерть. По душе царевича были даны огромные вклады в русские обители (только Троице-Сергиев монастырь получил 5 тысяч рублей), а когда был заключен мир, такие же огромные вклады были посланы в наиболее чтимые обители православного Востока — на Афон, в Иерусалим и на Синай.

Как ни была глубока скорбь царя, он и на краткое время не перестал заниматься государственными делами и, в частности, внимательно следил за ходом начавшихся переговоров о мире между Россией и Речью Посполитой. Новые попытки штурмовать Псков, принятые в конце октября — начале ноября, оказались безрезультатными, и 6 ноября осаждающие «из ям вышли и наряд из-за туров выволокли». После этого 14 ноября Баторий выслал «опасную грамоту» для русских послов, которые должны были прибыть на переговоры. Переговоры начались 17 декабря, а 15 января 1582 года в Яме Запольском был заключен договор о десятилетнем перемирии между государствами. По этому соглашению Речь Посполитая возвращала те русские города, которые были заняты польско-литовскими войсками во время кампаний 1580 и 1581 годов, а Россия уступала Речи Посполитой все те земли в Ливонии, которые к началу 1582 года находились под русской властью.

Ко времени заключения перемирия положение королевской армии в лагере под Псковом стало незавидным. Она сильно страдала от холода и болезней. 1 декабря король уехал в Польшу, за ним последовала значительная часть его войска (не привычное к лишениям дворянское ополчение, отряды наемников, не получившие вовремя жа-

лованья). Соотношение сил изменилось в пользу осажденных. В январе 1582 года уже псковские воеводы предпринимали нападения на королевский лагерь. Во Пскове не понимали, почему царь согласился на столь тяжелые условия мира, и винили во всем папского посредника — иезуита. «Оманила его Литва, — писал псковский летописец, — заслаша к нему протопопа Антония римского от папы мироват; и поведаша царю яко взят Псков... и царь Иван послал о мире х королю ко Пскову, и власт ему на Псков 15 городов ливонских».

Объяснения эти никак не соответствовали истине. Царю было хорошо известно, что его «воеводы сидят во Пскове здорово и безстрашно и людем государевым убою нет и порухи над городом нет никоторые», да и советами иезуита он не намерен был руководствоваться. С течением времени в этой неприятной истине должен был убедиться и сам Антонио Поссевино. Оказывая любезности папскому посланцу и делая многозначительные заявления (но не на официальном приеме, а на пиру), царь одновременно принимал меры к тому, чтобы приехавшие к нему католические священники не имели никаких возможностей для ведения миссионерской деятельности. По сообщению самого Поссевино, царь «запрещал переводчикам даже переводить все то, что имеет отношение к религии». Обсуждение же вопроса о характере разногласий между церквями и способах их преодоления было отложено до того времени, когда Поссевино вернется в Москву после завершения мирных переговоров. Когда это произошло и царь принял посланца по его настоянию, он уже не нуждался в содействии курии и мог дать волю своим чувствам по отношению к Риму. Плохим предзнаменованием для иезуита были уже слова царя, что он не хочет говорить с Антонио о вере, «чтоб нашему делу с папою порухи в нашей ссылке и любви не было». Когда дело дошло до обмена мнениями, царь с характерной для него ядовитой насмешкой стал высмеивать церемонии, служащие возвеличению папской власти. Обычай в торжественных процессиях носить папу, восседающего на троне, царь охарактеризовал так: «И папа не Христос, а престол, на чем папу носят, не облак, а которые носят его те не ангелы — папе Григорию не подобает Христу подобиться и сопредстольником ему быть». Беседа завершилась словами царя: «Который папа не по Христову учению и не по апостольскому преданию почнет жити и тот папа волк, а не пастырь». «И посол Антоней, — как записано в посольской книге, — и престал говорити, коли, де, уж папа волк, мне что уж и говорити». Царь, однако, не хотел совсем разрывать только что установившиеся связи с Римом. Не желая касаться вопросов веры, Иван IV был готов продолжать переговоры о союзе христианских государств против неверных и с этой целью отправил вместе с Поссевино к папе своего посланца Якова Молвянинова, но теперь уже Рим не обнаружил заинтересованности в продолжении контактов.

Царское решение добиваться мира с Речью Посполитой даже ценой тяжелых уступок было принято в Старице 22 октября, после получения известий о взятии Нарвы шведами. Именно тогда Боярская дума приговорила «по конечной неволе» «Ливонские бы города, которые за государем, королю поступитися... а помирися б с литовским с Стефаном королем, стать на свейского». Это решение еще раз показывает, каковы были приоритеты в русской политике в отношении Ливонии: в Москве готовы были отказаться от всех ливонских замков, чтобы получить возможность вернуть себе утраченный порт на Балтике.

Русские представители на мирных переговорах, князь Дмитрий Петрович Елецкий и печатник Роман Васильевич Алферьев, добились цели, поставленной перед ними царем: в текст договора о перемирии не были включены земли в Ливонии, занятые шведами, и тем самым появлялась возможность отвоевывать их у противника без риска возобновления войны с Речью Посполитой. Еще во время мирных переговоров в Новгороде стали собираться войска для «зимнего похода» «на свейских немец». Сразу по получении известий о подписании Ям-Запольского договора царь приказал воеводам начать военные действия, и войска двинулись «к Ругодеву (Нарве. — Б. Ф.)... да в Свицькую землю за Неву реку». Командовавший передовым корпусом князь Дмитрий Иванович Хворостинин разбил шведские войска у села Лямыцы в Вотской пятине.

Выполнить задуманный план, однако, не удалось. В Поволжье началось новое большое восстание местного населения, вызванное, как и предшествующие волнения, злоупотреблениями местных властей при сборе «ясака». О нем мы узнаем из записей «Разрядных книг», а также из подробного донесения, отправленного Баторию в июне 1583 года. Зимой 1581/82 года восстала «Горная черемиса». В то самое время, когда воеводы выступили из Новгорода в «зимний поход», из Чебоксар против восставших была отправлена трехполковая рать. Это войско «черемиса» разбила. Желая прекратить волнения, ставившие под угрозу исполнение его планов, царь принял черемисских послов и согласился удовлетворить их требования, но в это самое время началось восстание «Луговой черемисы». В октябре 1582 года в Поволжье против мятежников была отправлена рать уже из пяти полков. Прекратить восстание удалось лишь после смерти царя.

На ливонском театре военных действий инициатива снова перешла в руки шведов: в сентябре 1582 года войска Юхана III осадили русскую крепость Орешек в устье Невы. Правда, под стенами Орешка шведы потерпели неудачу, не менее чувствительную, чем войска Батория под Псковом, но для того, чтобы воспользоваться этим успехом, у русского правительства уже не хватило сил. В сложившемся положении оно желало как можно скорее положить конец военным

действиям, и в августе 1583 года был подписан договор о перемирии, по которому все земли, занятые в предшествующие годы шведскими войсками, остались за Швецией.

Так закончилась для России долгая, тяжелая, кровопролитная Ливонская война. Псковский летописец с горечью записал: «Царь Иван не на велико время чужую землю взял, а помале и свои не удержал, а людеи вдвое погуби». Расцвет «нарвского плавания», превращение этого небольшого городка под русской властью в крупный процветающий торговый центр лучше, чем что-либо другое, показывает, что у русской государственной власти были серьезные основания для того, чтобы добиваться выхода к Балтийскому морю и установления прямых экономических связей со странами Западной Европы. Очевидно также, что, предприняв такие шаги, русское правительство неизбежно оказалось вовлеченным в конфликт с целым рядом государств, стремившихся установить свое господство на торговых путях, связывавших восток и запад Европы. Избежать перерастания Ливонской войны в крупный международный конфликт было совершенно невозможно, но был ли неизбежен столь плачевный исход этой войны для Русского государства? Не привели ли к такому шагу ошибки и просчеты, допущенные самим главным инициатором войны Иваном IV, который, верно наметив цель, не смог найти верные средства для ее достижения? Будущие поколения исследователей, может быть, сумеют найти убедительный ответ на все эти вопросы.